

Чудесный шар

Автор:

Александр Волков

Чудесный шар

Александр Мелентьевич Волков

Действие романа развивается в 50-х годах XVIII века в царствование Елизаветы Петровны. Дмитрий Ракитин – высокообразованный человек, талантливый ученик Ломоносова – в стенах тюремной камеры изобретает летательный аппарат, подъемную силу которого дает горячий воздух. О трудной судьбе Дмитрия Ракитина, о его невзгодах и радостях рассказывает настоящая книга.

Александр Волков

Чудесный шар

Часть первая

Дмитрий Ракитин

Глава первая

Ночное происшествие

Город спал. На узких кривых улицах, окружавших порт, было тихо. И в тишине гулко и тревожно раздавались шаги двух запоздалых прохожих. Люди настороженно озирались, стараясь быстрее миновать пустыри, темневшие между домами.

– Митрий Иваныч, – боязливо шепнул один из прохожих, – не к добру засиделись мы в этом чертовом трактире. Не повернуть ли? Там и заночуем...

– Ничего, – отвечал другой, высокий, плечистый. – До корабля недалеко, доберемся.

Они ускорили шаг. Из туч, нависших над Кенигсбергом, проглянула луна и озарила городские улицы и корабли в порту. И в этот момент из-за ближайшего угла донесся отчаянный крик:

– Караул, спасите!.. Грабят!..

– Наш кричит, русский! Надо выручать! Яким, за мной! Оружие приготовь!..

Дмитрий бросился вперед, вытаскивая из-за пазухи пистолет. Яким следовал за ним, бормоча:

– Митрий Иваныч, сударь... На беду нарвемся... Пропадем!..

Но Дмитрий уже завернул за угол. На обширном пустыре несколько грабителей окружили невысокого тщедушного человека средних лет, одетого в темный кафтан и высокие сапоги. Один держал беднягу за воротник, другой выворачивал ему карманы.

Завидев подмогу, пострадавший забился в руках врагов, стараясь вырваться.

– Эй, вы, прочь! – закричал Дмитрий. – Отпустите человека!

– Вот как?! – насмешливо отозвался здоровенный детина с рыжей бородой, как видно, предводитель банды. – Везет нам, ребята! Еще двух овечек острижем этой ночью!

Он кинулся навстречу Дмитрию и Якиму. За вожакom поспешили и другие разбойники, оставив двоих расправляться с русским в темном кафтане.

- Тогда пеняйте на себя, - гневно пробормотал Дмитрий.

Раздались два выстрела. Рыжебородый великан упал, пораженный пулей Дмитрия прямо в лоб. Яким прострелил другому грабителю грудь, и тот корчился на земле с хрипыми стонами.

Бандиты остановились в нерешительности. Но один из них, самый смелый, опомнившись, прыгнул вперед, размахивая ножом. Дмитрий ловко уклонился и ударил нападающего кулаком по голове. Разбойник без звука рухнул в дорожную грязь. Расхрабренный Яким, держа пистолет за дуло, стал наступать на низенького парня, но тот не принял боя и исчез в развалинах на пустыре. Разбежались и другие грабители.

Короткая схватка закончилась разгромом банды и гибелью ее вожакa. Спасенный подбежал к Дмитрию со словами благодарности и попытался поцеловать ему руку, но Дмитрий ее отдернул.

- Вы избавили меня от смерти, сударь, - признательно заговорил спасенный, назвавшийся Иваном Васильевым. - Ведь эти злодеи что делают? Ограбят, а потом камень на шею - и в воду: море, оно все скроет... А я - поверьте мне! - век не забуду вашего благодеяния...

Иван Васильев прервал взволнованную речь, прислушался. Издали доносились голоса, свистки.

- Полиция, - испуганно пробормотал он. - Бежим, сударь!

- А почему? - возразил Дмитрий. - Мы просто защищались от разбойников. Расскажем властям, как было дело.

- Что вы, сударь? Да разве эти нехристи поверят? Они на нас возложат вину, посадят в тюрьму и засудят, верьте слову. Уж я полицию знаю...

Дмитрий заколебался. Он понимал, что шуцманам[1 - Шуцман (нем.) – полицейский.] нужен зачинщик ночного происшествия, и хорошо одетый иностранец вполне подходит для этой роли. Если его и не засудят, как опасался Иван Васильев, то уж во всяком случае оберут до нитки.

– Вы правы, – сказал он и быстро направился к порту в сопровождении Якима и Ивана Васильева.

Через несколько минут они были в безопасности на борту брига «Прозерпина», где Дмитрий, направлявшийся на родину, ожидал отплытия корабля в Петербург.

Когда трое русских очутились в тесной каюте Дмитрия и была зажжена свеча, Иван Васильев теперь только рассмотрел своего спасителя. Чисто выбритое лицо Дмитрия, с красивым прямым носом, с голубыми глазами, с легкой складкой между бровей, было привлекательно.

Васильев просительно вымолвил:

– Ради Христа, скажите, сударь, как вас звать-величать? За кого я должен век Бога молить?

Дмитрий улыбнулся.

– Зовут меня Ракитин, Дмитрий Иванович. Родом из Петербурга. Окончил в столице университет, а сюда, за границу, приехал совершенствоваться в науках и провел здесь без малого три года. За это время успел побывать в Женеве, Париже, Амстердаме, Геттингене, Лейпциге...

Слушая перечисление городов, Иван Васильев понимающе качал головой: видно было, что их названия ему знакомы.

– Слушал я лекции знаменитых химиков, физиков, – продолжал Ракитин, – работал в лабораториях... Да вот получил скорбную весть о бабушкиной кончине.

Иван Васильев перекрестился:

– Царство ему небесное и вечный покой! Скорблю о вашей горе, сударь!

– Ну и пришлось думать о возвращении в Петербург на полгода ранее задуманного мною срока. Тяжко вдруг, душно мне стало на чужбине, захотелось увидеть родные лица, поделиться с милыми сердцу своей тоской...

Дмитрий невольно увлекся рассказом о своих печальных обстоятельствах и открывал душу незнакомцу, быть может, больше, чем следовало. Но пережитая вместе опасность располагала его к откровенности, а на лице Ивана Васильева выражалось явное сочувствие к его беде.

Иван Васильев спросил:

– Стало быть, у вас в Питере есть куда голову приклонить?

– А как же! Там живут моя приемная маменька Марья Семеновна и ее муж Егор Константинович Марков, отставной главный механик порохового дела, – не без гордости объяснил Дмитрий. – И в эту должность его сам царь Петр за большие заслуги произвел.

Как видно, эти слова Ракитина произвели на Ивана Васильева впечатление: его поза сделалась почтительнее, он скромно потупил взор.

Дмитрий продолжал:

– Дядюшка Егор Константинович при грустном письме своем прислал деньги, коими я покрыл долги. Остатка хватило добраться до Кенигсберга, а здесь нам посчастливилось встретить Макса Гофмана, старого батюшкина знакомого по торговым делам. Сей почтенный муж согласился доставить нас с Якимом в Питер с уплатою за провоз по окончании рейса, и за то ему великое спасибо...

– Обошлись бы и без Гофмана, – ворчливо перебил Яким. – Стоило только продать книги, что куплены в неметчине. Вон их какой тюк набрался, а цена-то им недешевая, пароль доннэр![2 - Пароль доннэр (фр.) – честное слово.]

Во время скитаний за границей востроносый, вихрастый Яким запомнил много иностранных слов и употреблял их кстати и некстати.

– Опять с глупостями лезешь, – оборвал слугу Ракитин. – Сколько я говорил, что с книгами не расстанусь! Вернемся домой, как стану заниматься науками без этих бесценных сокровищ? Знаешь ли ты, что приобретены сии шедевры по рекомендации самого Михаила Васильича?

– Что ж из того? – не сдавался Яким. – Не на ломоносовские деньги они куплены, значит, не ему и распоряжаться.

– Уймись! – сердито приказал Дмитрий. – С тобой говорить – в ступе воду толочь!

Иван Васильев с любопытством слушал забавный спор господина со слугой. Потом спросил:

– И когда корабль отплывает в Россию?

Дмитрий с досадой ответил:

– Боюсь, что его отправление сильно задержится из-за торговых дел господина Гофмана. Как бы не просидеть нам тут еще месяц.

– Очень, очень сожалею о ваших прискорбных обстоятельствах, сударь! – вежливо отозвался Иван Васильев. – Не позволите ли мне навещать вас?

– Буду очень рад! Встретить земляка на чужбине всегда отрадно. Мы с Якимом порядком наскучили друг другу за долгие месяцы вынужденного компанейства, и поговорить со свежим человеком – большое удовольствие.

Яким отправился в матросский кубрик, где обычно спал на подвесной койке, а неожиданного гостя Ракитин уложил в своей каюте. Сон долго не шел к Дмитрию, растревоженные воспоминания прихлынули к нему длинной чередой.

Глава вторая

Ракитины и Марковы

О давних событиях, происходивших до его рождения, Дмитрий знал от воспитавшей его Марьи Семеновны Марковой, родной сестры отца. Как памятливы были Мите долгие зимние вечера, когда Марья Семеновна, склонившись над вязаньем, вела неторопливый рассказ о прошлом двух родственных семей – Марковых и Ракитиных. Стоило ей остановиться, чтобы посчитать петли, как мальчик нетерпеливо понукал ее:

– Дальше, маменька, дальше! А потом что было?

– Экой неугомонный! – улыбалась Марья Семеновна и гладила Митю по кудрявой головке. – А дальше вот что...

И рассказ возобновлялся под тихий треск сверчка, прятавшегося за печкой.

Митин отец, Иван Семеныч Ракитин, вел свои торговые дела отлично. Еще до женитьбы на Аннушке Русаковой он скопил порядочные деньги, а наследство после тестя выдвинуло его в первый ряд петербургских богачей.

Принадлежавшая Ракитину пороховая мельница на реке Сестре давала верный доход. Выгодны были подряды на снабжение флота: смола, пенька и парусина приносили немалую прибыль.

Все ладилось в семейной жизни Ракитиных. Иван и Анна крепко любили друг друга, но до полного счастья им не хватало детей. Напрасно старались молодые супруги умолить Бога: служили молебны, ездили по монастырям. Иван Семеныч щедро жертвовал на церкви, дал обет построить часовню на собственные средства, если у него родится сын. Ничего не помогало.

В доме Ракитиных начали появляться востроглазые бабки, повязанные черными платками. Они приносили узелки, откуда приятно пахло душистыми травами. В кухонной печи что-то кипело и булькало в горшках и горшочках, ароматный пар растекался по комнатам. В спальне хозяйки слышался шепоток:

– Уж это самое бесспорное дело, касатка! Как попьешь навар с корешков любистка, [3 - Любисток – многолетнее травянистое растение из семейства зонтичных. Его корневища употребляются в медицине.] то и дождешься

желанного, родишь любимое дитяtko...

Любисток не помогал, и через месяц-другой в доме появлялась новая ведунья, предлагавшая ревеня либо ромашку... Лекарства готовились с наговорами, с заклинаниями.

Старая Фоминична велела пить настой из марьяна коренья по зорям, стоя на дворе в одной рубашке, скрытно от постороннего глаза; при этом полагалось двенадцать раз подряд прочитать богородичную молитву. Во время одного такого моления Анна Антиповна простудилась и едва не отдала богу душу...

Разъяренный Ракитин избил старуху и пригрозил свести в полицию первую знахарку, что появится у него в доме...

У Егора и Маши Марковых была другая беда. В их семье за десять лет брака родились три мальчика и девочка, и все умирали в возрасте нескольких недель. Сколько слез пролили Маша и Аннушка на родных могилках...

Радость наконец пришла в дом Ракитиных: летом 1730 года у них родился сын Митя. Но радость обернулась великой бедой: рождение ребенка стоило жизни матери. Иван Семеныч обезумел от горя и чуть не наложил на себя руки: его удержала мысль о сыне.

Семья Марковых незадолго перед тем опять потеряла ребенка, и Ракитину не пришлось искать для Мити кормилицу. Марья Семеновна вскормила мальчика своим молоком и привязалась к нему, как к родному сыну.

Маленький Митя очень любил отца. Среднего роста, плотный, с квадратной рыжеватой бородкой и густыми усами, Иван Семеныч обычно появлялся в доме Марковых, на 5-й линии Васильевского острова, зимой. Он вылезал из саней, с красным от мороза лицом, закутанный в медвежью доху, в оленьей шапке-ушанке, и своим громким голосом и смехом подымал на ноги двор и дом.

Иван Семеныч приезжал неожиданно и всегда из разных мест. Он появлялся из Архангельска, из Вологды, Устюга Великого или с Печоры, а раз мчался без передышки полтора месяца из Сибири и успел-таки прискакать в Петербург под

первый день Рождества.

И всегда за Иваном Семенычем приказчик тащил тюк с ценными подарками всем домашним, не исключая кухарки Филимоновны. Самые богатые и разнообразные подарки получал Митя. То это была искусно сделанная модель фрегата с полной оснасткой – работа отставного архангельского шкипера, то меховой костюм, сшитый с удивительным изяществом на Митин рост руками самоедской[4 - В старину самоедами называли обитателей Севера ненцев.] молодежи. А из Сибири Ракитин привез сыну крохотную нарту, запряженную тремя оленями. Погонщик, нарта, олени – все до мельчайших подробностей было с необыкновенным искусством вырезано из цельного моржового клыка.

Егор Константиныч, сам прекрасный мастер, вытачивавший для петербургских церквей ажурные паникадила, вырезавший сложнейшие узоры для иконостасов, пришел в несказанное удивление, увидев эту чудесную вещь.

– Да ведь это... – Марков запнулся, не находя слов. – Это многие месяцы работы... и какого мастера! Эта игрушка стоит больших денег...

Иван Семеныч улыбался и гладил бороду: радость Мити была для него дороже всяких денег.

Зато каждый раз, когда уезжал отец, Митя устраивал дикие сцены. Иногда, после того как он напрасно упрашивал отца взять его с собой, Митя тайком забирался в отцовские розвальни, приготовленные к отъезду. Найденный и вытащенный из саней, мальчик неистово кричал, царапался, кусался и два-три дня не разговаривал даже с горячо любимой приемной матерью.

Но годы шли, и Митя научился сдерживать чувства.

Крепко любил Митя дядю Гору, как называл он Егора Константиныча. Старому мастеру, приближенному токарю царя Петра I, было о чем порассказать любознательному мальчугану. Особенно любил Марков вспоминать то время, когда он подолгу жил на пороховой мельнице Ивана Семеныча, стараясь найти способы делать хороший порох. И его старания не пропали даром. Царь щедро наградил Егора Константиныча, назначил главным пороховым механиком империи, дал хорошее жалованье.

Добросовестный работник, мастер золотые руки, Егор Константиныч пользовался уважением и доверием начальства. На новой должности Марков почувствовал, что знаний, давным-давно полученных в Навигацкой школе, теперь маловато. Наука ушла вперед, да и многое, усвоенное на школьной скамье, позабылось за долгие годы. Егор Константиныч взялся за книги.

Смеясь, рассказывал он маленькому племяннику, как трудно было ему в первое время снова постигать книжную премудрость. Но постепенно дело пошло на лад.

– Вот станешь учиться, – говорил он Мите, – поймешь, что такое физика и химия и какую силу дают они человеческому уму. Не похваюсь, что уразумел их до тонкости, но все же у меня на многое открылись глаза... И делу пороховому, у коего я приставлен, сие на большую пользу идет...

Мирным течением своей жизни Егор Константиныч был доволен, и даже ранняя смерть детей хоть и печаливала его, но не в такой степени, как Марью Семеновну. Все-таки сердцем он был покрепче, и работа не давала времени грустить.

У Маркова имелось и другое занятие, отвлекавшее его от мрачных мыслей. Он ежедневно посвящал вечерние часы любимому токарному делу. У него всегда было достаточно заказов. Тому требовалось выточить изящную табакерку из цельного куска янтаря, другой хотел иметь дорогую трость с резьбой. Из ломоносовской лаборатории приходили с просьбой сделать хитроумные физические приборы...

До полуночи поскрипывал токарный станок в кабинете Маркова, а сам хозяин, в очках, в рабочем фартуке, мерно нажимал на педаль, и из-под его искусных рук выходили изделия, восхищавшие заказчиков.

Через долгие годы пронес Егор Константиныч горячую любовь к старшему брату Илье. Как волшебную сказку, слушал Митя дядины воспоминания о брате.

Увлекательные рассказы дяди Горы о бурных событиях давних времен, о стрелецком мятеже, о дерзком бегстве Ильи из-под стражи, о его многолетних скитаниях по стране с верным товарищем Акинфием Куликовым заставляли

Митю вздрагивать и плотнее прижиматься к дяде. Глаза мальчугана горели восторгом, когда он слушал повествования о великих битвах при Полтаве и Гангуте, где дрался за русскую землю Илья Марков...

В 1719 году Илье Маркову довелось участвовать в сражении при острове Эзель, где русские корабли впервые одержали победу над шведскими в открытом море. Там Илья получил серьезное ранение в ногу, стал инвалидом. Бывалого солдата не уволили из армии, а перевели в инвалидную команду, которой командовал поручик Солодухин.

По приказу начальства рота Солодухина отправилась на Север – усмирять взбунтовавшийся рабочий люд на Кижском литейном заводе Андрея Бутенанта. Случилось это в 1721 году.

Вольнолюбивому Илье Маркову карательная экспедиция пришлась не по душе, он отказался стрелять в фабричных и перешел на их сторону.

Когда инвалидная команда поручика Солодухина после долгого отсутствия вернулась с Севера в Питер и брата в ней не оказалось, Егор повел расспросы. Но инвалиды смотрели на него с боязнью, скупно цедили слова, отговаривались незнанием, старческой забывчивостью.

Марков пошел в Военную коллегию, и один приятель показал ему солодухинское донесение. Там было написано, что Илья Марков и десять других инвалидов пали геройской смертью в битве с восставшими рабочими и разгромленные мятежники возобновили работу на заводе Андрея Бутенанта. За столь полезную деятельность Солодухина удостоили денежной награды и произвели в следующий чин.

Егор Константиныч не поверил донесению Солодухина: по рассказам брата он знал поручика как честолобца, который не задумается солгать, чтобы показать себя перед начальством в самом лучшем виде. Токарь продолжал расспросы, и ему удалось разведать истину. В действительности никакого боя с мятежниками не было, управляющий Бутенанта сумел мирно поладить с рабочими. А хитроумный поручик доложил Военной коллегии о сражении, в котором якобы погибли Илья Марков и еще десять инвалидов, умерших от болезней и старости.

Егор Константиныч свято сохранил тайну. Он даже порадовался лживому донесению о геройской гибели Ильи: Солодухин, сам о том не думая, спас бунтовщика Маркова от розыска, который, конечно, объявили бы царские власти. А теперь Илья мог спокойно жить в далеком краю, не опасаясь жестокой кары за свой проступок. Грустно было лишь то, что Егор ничего не узнает о судьбе старшего брата, которого он крепко любил и уважал, хотя и досадовал на него за бунтарские наклонности.

Но через много лет от Ильи пришла весточка с верным человеком. Он сообщил Егору Константинычу, что работает горновщиком[5 - Горновщик – рабочий у металлоплавильной печи (горна).] на Вохтозерском чугуноплавильном заводе купца Терехина под прозвищем Ильи Горового, женился, растет у него сынок Алешка. Радостной вестью Марков поделился с женой и Иваном Семенычем, рассказал ее в понятных словах пятилетнему Мите; мальчик давно допытывался, где дядя Илья, о котором он слышал так много рассказов.

С этих пор молитва Мити за родных звучала так:

«Помилуй, Господи, спаси от всякого зла и защити от бед святым своим покровом милую маменьку, дядю Гору, дядю Илью, братца Алешеньку и всех прочих сродников...»

Еще прошли годы, но об Илье больше не было ни слуху ни духу, и это очень печалило Егора Константиныча. Иногда Марков подумывал, не съездить ли ему самому на Вохтозерский завод, повидать Илью. Но дело было опасное: главный пороховой механик являлся персоной немалого значения. Если он явится в гости к простому рабочему человеку Илье, это вызовет подозрения, наведет царских ищеек на след мятежника, и Егор Константиныч своим посещением погубит брата. Приходилось терпеть неизвестность.

В 1741 году судьба порадовала Марковых поздним счастьем. Мальчик Андрюша, родившийся у них в этом году, не умер, как его старшие братья и сестры. Он перевалил роковую грань первых месяцев жизни, стал крепнуть, здороветь. Родители не могли нарадоваться на свое долгожданное дитяtko. Но заботы о маленьком Андрюше не ослабили привязанности Марьи Семеновны к Мите Ракитину. Она по-прежнему крепко любила приемного сына, и он не чувствовал своего сиротства.

Глава третья

Гимназия

В 1742 году Мите Ракитину исполнилось 12 лет, и его решили отдать в гимназию при Российской Академии наук. Об этом просил Марковых Иван Семеныч, отправляясь в очередную торговую поездку. Он сказал:

– Хочу, чтобы Митя вырос просвещенным человеком. Станет ли он негоциантом[6 - Негоциант – оптовый купец, ведущий крупные торговые дела с другими странами.] или ему выпадет другая судьба – образование всегда пригодится.

Митя был силен и крепок, но очень медленно рос. Это крайне огорчало мальчика. По этой причине василеостровские ребята в своих играх отводили ему самые невидные, подчиненные роли.

Беззаботному уличному веселью пришел конец. 15 августа, в Успеньев день, по обычаю, в школах служили молебен перед началом занятий.

Егор Константинович отправился с племянником в гимназию, на стрелку Васильевского острова. Дорогой Марков внушал Мите, что он в первые школьные дни должен держать себя уверенно.

– Сробеешь – заклюют! – наставлял он племянника. – Заходил я в гимназическое общежитие, там такие хваты, им палец в рот не клади.

Марков не преувеличивал. Большинство гимназистов были великовозрастные ребята – дети адмиралтейских служащих, придворных лакеев, канцелярских чиновников, купцов, ремесленников, солдат. Учились в гимназии поповские и дьяконские дети, переведенные из духовных школ. Трудно приходилось учителям с новичками, набранными в провинции. Пятнадцати- и шестнадцатилетние парни, псковичи, новгородцы, вологжане, оторванные от родных мест, неохотно являлись в столицу и ученье считали тяжелой повинностью.

Марков и Митя запоздали, и, когда служитель провел их в актовый зал, воспитанники гимназии уже построились. Немногочисленная группа родителей толпилась в уголке.

Митя взглянул на будущих товарищей, и сердце его замерло: самые малорослые, стоявшие в первом ряду, были на голову выше его, а в задних рядах виднелись такие усачи, что хоть в гвардию!

Инспектор гимназии поставил мальчика на левый фланг первого ряда, возле длинного парня с густой копной рыжих нечесаных волос.

– Хо-хо! – фыркнул рыжий. – Колобок прикатился!

В кругленькой, плотной Митиной фигурке и впрямь было что-то от колобка. И, как всегда бывает в школах, метко приклеенное прозвище стало спутником Мити Ракитина на целые годы.

– Колобок, колобок, ха-ха-ха! – пронеслось по рядам.

Начался молебен. Пока пелись молитвы, сосед наклонился к Митиному уху и спросил зычным шепотом!

– Как звать-то?

– Кого? Меня? – растерялся Митя. – Ракитин я, Дмитрий.

– Митька, значит? А я – дьячковский сын Колька Сарычев. Будем дружить?

– Будем, – ответил польщенный Митя.

Он сразу приободрился. Дело-то, пожалуй, складывается не так уж плохо, как опасался дядя.

Молебен кончился, инспектор повел Егора Константиныча и Митю к себе в кабинет. Здесь был произведен экзамен.

Митя показал отличное умение читать, грамотно написал несколько фраз под диктовку, благополучно разделался с таблицей умножения. Митю приняли во второй класс.

Дядя с племянником вернулись домой сияющие, и Марья Семеновна, узнав о результате экзамена, осыпала Митю поцелуями.

Крепко запомнил Дмитрий свой первый школьный день.

Погожим осенним утром Митя, храбро отказавшись от провожатого, зашагал в гимназию. Когда он вошел в класс, великовозрастные его товарищи загалдели на разные голоса:

- Колобок! Ха-ха-ха, колобок прикатился! Тебя дорогой лиса не съела?

- А я от нее сбежал! – бойко объяснил не растерявшийся Митя.

- Ого, да он боевой парень! – слышались одобрителные возгласы.

За ближайшим к классной доске столом мелькнула знакомая рыжая голова Кольки Сарычева. Тот кивал ему:

- Садись со мной! Я для тебя место сберег!

Митя начал осматриваться кругом. Неуютно выглядел класс: грязный потолок, давно не беленные стены с потеками сырости, мутные стекла невымытых окон... Митя вспомнил светлые, чистенькие комнатки марковского дома и загрустил. Здесь, в этом непривлекательном помещении, похожем на сарай, среди ватаги буйных ребят, придется ему проводить годы...

В классе было человек двадцать. Гимназисты развлекались каждый по-своему. Двое играли «в носки» и свирепо лупили друг друга по носу засаленными картами. Некоторые жевали ломти хлеба, а один верзила в заднем ряду, «на Камчатке», выпускал густые клубы дыма из коротенькой трубки.

Раздался звонок, возвестивший о начале занятий, и в классе водворился порядок. Карты и хлебные крошки исчезли в карманах школьников, курильщик спрятал трубку под стол.

Первым уроком оказалась геометрия. Учитель без всяких объяснений диктовал определения, ученики записывали. Митя от усердия высунул кончик языка и заботился больше о том, чтобы не наделать клякс. Он писал слово за словом, но общий смысл определений ускользал от мальчика.

«Ничего, дома разберусь, – думал Митя. – Дядя Гора поможет, он небось все это проходил...»

А учитель все продолжал диктовать. Определения следовали одно за другим. Из всего класса только Митя да еще двое-трое хорошо грамотных ребят успевали записывать и кое-что понимали. Остальных поглощал процесс писания, и думать над значением слов им не хватало времени.

Следующими уроками были закон Божий, латынь и немецкий язык.

После первого дня занятий Митя возвратился домой, переполненный впечатлениями. Торопясь и сбиваясь, он все их выложил приемной матери. Марья Семеновна улыбалась и сочувственно качала головой.

Так и пошли-покатились школьные деньки Мити Ракитина.

Опасения Маркова, что товарищи будут обижать Митю, не оправдались. По сравнению с одноклассниками он был таким маленьким и хрупким, таким слабым, что задирать его казалось позором. Большие и сильные школяры дрались между собой, дрались жестоко, до синяков, разбитых носов и выбитых зубов, но тронуть Колобка не решился бы самый завзятый забияка.

Митину репутацию высоко подняли его школьные успехи. Митя Ракитин, капитанский внук Вася Шумилов и сын вдовы канцелярского служителя Терентий Гамаюнов, все трое петербуржцы, – были три кита, на которых держался второй класс Петербургской академической гимназии.

Перед началом занятий в классе, тускло освещенном сальными свечами, только и слышалось:

– Колобок, дай списать задачку!..

– Тереха, ты сделал упражнение по грамматике? Давай скорее тетрадку, а то не успею сдать...

– Васька, у тебя латинская экзерциция[7 - Экзерциция (лат.) – упражнение.] готова?

Скрипели перья по шероховатой бумаге, продрогшие губы шептали упражнения, запоминались решения задач, и к приходу учителей класс приводил себя в боевую готовность и более или менее удачно боролся за удовлетворительные отметки...

Дни и недели проходили однообразно, и учебный год тянулся бесконечно долго. Отдых от скучных классов давали только церковные да царские праздники, а было их, к счастью, немало. Рождество и Пасха прокатились веселой вереницей дней, заполненных всевозможными удовольствиями – маскарадами, играми, гуляниями. И с первой капелью, с теплым южным ветром, принесшим весну, пришлось вплотную усесться за книги и готовиться к трудной для всякого школьника поре – к переводным экзаменам.

Митя Ракитин и его друзья Вася Шумилов и Тереха Гамаюнов сдали испытания играючи, но не всем удалось так легко преодолеть этот барьер. Из двадцати гимназистов в третий класс перешли только четырнадцать. В числе счастливых при крепкой помощи Мити Ракитина оказался и Колька Сарычев. Идти домой на каникулы он не захотел.

– У батьки-дьячка и без меня десять ртов, – объяснил парень и нанялся грузчиком на пристань.

И вот потянулись один за другим гимназические годы, и только весенние экзамены вставали, как верстовые столбы на длинной ухабистой дороге.

И каждые экзамены вырывали из рядов Митиных товарищей очередные жертвы. Каждую осень, приходя в класс, Митя не досчитывался одного-двух бойцов, павших в битве с трудными школьными программами.

Из первых одноклассников Ракитина до шестого класса дошли только семь человек. Конечно, на первом месте среди них были «три кита» – Василий Шумилов, Терентий Гамаюнов и Дмитрий Ракитин. И, как ни удивительно, среди выдержавших все бури и грозы в долгом пути оказался и Николай Сарычев.

Дружба, которую Колька завязал с Митей в тот момент, когда впервые его увидел, имела благотворное влияние на его жизнь. Но и немало сил затратил Митя на то, чтобы постоянно подтягивать ленивого, безалаберного друга. Эти усилия не пропали даром.

В шестом классе Митя Ракитин сильно вырос. В это радостное для него время юноша поднимался точно на дрожжах. Зарубки на дверном косяке, где отмечался Митин рост, прежде не менялись по несколько месяцев, а теперь каждую неделю появлялась новая, поднимаясь над прежней чуть не на палец.

Много премудрости вбили за эти годы преподаватели в головы гимназистов. На первом месте стояла латынь. Были дни, когда в классах разрешалось разговаривать исключительно на латинском языке и за каждую русскую фразу полагался час карцера.

Хорошее знание латинского языка помогало гимназистам слушать в свободное время профессоров академии, так как доступ на их занятия никому не возбранялся. Гимназисты ходили на лекции физика Иозефа Брауна, медика Германа Бургава и других иностранцев.

Но гораздо чаще юноши посещали выступления Михаила Васильевича Ломоносова, достигшего к тому времени широкой известности. Слушать Михаилу Васильевича ходила по преимуществу академическая молодежь – адъюнкты, [8 - Адъюнкт (лат.) – помощник.] студенты, гимназисты. Лекции, где звучала точная и ясная русская речь Ломоносова и ставились придуманные им остроумные физические и химические опыты, намного расширяли их умственный кругозор, способствовали распространению науки в русском обществе.

Помимо языков, которым уделялась большая часть времени, гимназисты изучали и точные науки: алгебру, геометрию и тригонометрию, прослушали краткий курс астрономии. В программу также входили география и картография, физика, ботаника, зоология, анатомия, хотя эти науки стояли на втором плане.

Глава четвертая

Сосенки

Весной 1748 года, когда Митя кончал шестой класс, Егору Константинычу удалось осуществить многолетнюю мечту: он купил деревеньку с пятнадцатью душами крепостных крестьян.

Деревенька называлась Сосенки. Она живописно раскинулась на высоком правом берегу Волхова, где-то посередине между Ильменем и Ладожским озером. Свое название деревня получила от соснового бора, подходившего под самые окна господского дома.

Когда Марков съездил туда и осмотрел имение, он вернулся очарованный. Вместительный господский дом, сосновый бор со множеством грибов, чудесная рыбалка, целительный воздух...

Егор Константиныч отнюдь не рассчитывал на доход от поместья. Барской земли в нем не было, а крестьяне сидели на скудных наделах и перебивались с хлеба на квас.

Но зато как гордо звучали эти слова: «У меня в поместье...», «Еду летом отдыхать в поместье...»!

Тщеславие? Да, но какое невинное! Егор Марков вышел из низов, из самой народной гущи, и ему льстила мысль, что он хоть в чем-то сравняется с высокомерными господами, которые давали ему заказы на токарные работы. Как он теперь осадит этих знатных гордецов! Пришлет за ним какой-нибудь Нарышкин, а он важно бросит лакею:

«Передай, братец, барину, что я его заказа принять не могу: уезжаю в поместье».

А кто поедет проверять, что это за поместье!

И Егор Константинович начинал смеяться, представив себе озадаченное лицо слуги, непривычного к таким отказам.

По правде говоря, это было не поместье, а загородный дом, где отлично, с пользой для здоровья, можно проводить лето, охотиться, рыбачить, собирать грибы и ягоды. И за все эти удовольствия просили всего-навсего тысячу двести рублей. А у Маркова нашлось только девятьсот, больше он не сумел скопить за многолетнюю службу. Пришлось прибегнуть к помощи шурина. Иван Семеныч, случившийся на ту пору в Питере, одолжил недостающие деньги с радостью.

Столь важное семейное событие было отмечено пирушкой, где Иван Семеныч не скупился на добродушные колкости по адресу новоявленного помещика. Марков так же добродушно отшучивался.

Иван Семеныч постарел, поседел, но время еще не согнуло его ладную, прямую фигуру, и из-под рыжеватых бровей все так же молодо поблескивали глаза. Он продолжал разъезжать по России в поисках выгодных дел, затевая новые предприятия, закрывая те, что переставали приносить прибыль.

И, как всегда, он появлялся в Петербурге зимой и обязательно с коробом подарков всем родным. Однажды в разговоре Митя выказал интерес к старопечатным книгам, и в следующий приезд отец привез ему старинную пудовую Библию в кожаном переплете и редкостные богослужебные книги. Он раздобыл все это в Холмогорах, у раскольничьего начетчика, и заплатил порядочные деньги.

В другой раз Ракитин преподнес Мите пару пистолетов отличной работы итальянского мастера. Ему удалось недорого приобрести их у заезжего француза, который не рассчитал своих расходов и оказался на мели в маленьком уральском городке.

Как эти пистолетыгодились Дмитрию в Кенигсберге!

В собственное поместье Марковы выехали в конце июня, когда Митя сдал переводные экзамены в последний, седьмой класс. Егор Константинович не мог оставить службу, но обещал навещать на несколько дней, благо налегке до Сосенок можно было добраться за сутки, всего сто верст езды.

Собирались долго и основательно: перед собственными крестьянами не хотелось ударить лицом в грязь. Несколько подвод нагрузили мебелью для опустевшего барского дома – старый владелец вывез все свое добро. Было взято много провизии, посуды, постельных принадлежностей и разной мелочи, необходимой для хозяйства.

Обоз тащился неторопливо, в Сосенки приехали на третий день к вечеру.

Началось устройство на новом месте. Марья Семеновна, выбрав из деревни баб порасторопнее, хлопотала по целым дням в доме и на усадьбе. А Митя неутомимо исследовал окрестности Сосенок. Он брал с собой Андрюшу, а проводником стал деревенский парень Якимка, шестнадцатилетний сирота, подпасок при общинном стаде.

По просьбе Мити его освободили, заменив другим, а веселый Якимка с озорными глазами и жесткими, непослушными вихрами стал постоянным спутником гимназиста.

Навсегда запомнилось Мите первое лето в Сосенках. Оно тянулось как бесконечно длинный ясный день. Где бы он потом себя ни вспоминал: у быстрого ли Волхова на теплом мягком песке возле расставленных по берегу удочек; на лесном ли озере, бездонную чашу которого толпой обступили кудрявые сосны; в поисках ли грибов, когда на радость Марье Семеновне наполнялись рыжиками большие корзины; за игрой ли в городки на усадебном дворе – все один ласковый летний день, полный очарования, неустанных поисков и открытий... Веселое время – оно никогда не вернется вновь!

Любили Митя и Андрюша ездить с деревенскими ребятами в ночное.

На прогалине в лесу горит костер. За деревьями жуют и фыркают лошади. Ребята сидят у костра тесным кружком. Мерцающее пламя смутно озаряет лица. Золотисто-красный дым бледнеет, подымаясь вверх, и исчезает в неведомой вышине. Куда он уходит?..

Ребята тихо шепчутся: лесная темь овевает их приятной дремотной жутью...

Впервые за свою недолгую жизнь Митя Ракитин близко познакомился с крестьянским бытом. И суровость этого быта потрясла впечатлительного юношу.

Митя любил навещать деревенского знахаря Кондратия, широко известного в округе. Лысый, согнутый старик, с пожелтевшей от старости бородой, принимал барчука ласково, но без подобострастия, без униженных поклонов.

Закоптелую избушку едва освещало оконце, затянутое промасленным бычьим пузырем. В пазах между бревнами кишели полчища тараканов. Печка топилась по-черному. Каждое утро изба наполнялась облаками дыма. Только внизу, на щелястом полу, можно было кое-как дышать.

Когда Митя начинал задыхаться от едкого дыма, он выбирался на завалинку, оставляя старика хлопотать у печки. Неприкрытая нищета глядела отовсюду. Юноша видел, как ребятишки, с черными от копоти лицами, в отцовских сапогах, а чаще босиком, в драных рубашонках, перебегали из избы в избу. Изможденный мужик вез на тощей лошаденке воз хвороста. Бабы таскали на коромыслах тяжелые ушаты воды – поливать огородные грядки. Грустные, хватающие за сердце картины...

И как же радовался Митя, когда узнал от матери, что Егор Константиныч наполовину сбавил своим крестьянам оброк, который они платили прежнему помещику. Оброк этот тяжелым бременем ложился на крестьянские хозяйства. Мужикам стало гораздо легче, тем более что новый владелец Сосенок не торопил их с уплатой.

«Не разбогатеет дядя Гора от этой покупки, – смеялся про себя Дмитрий. – А все-таки какой же он добрый, сердечный человек...»

Митя с юношеской восторженностью думал:

«Никогда-никогда не случится того, чтобы я народное горе себе на пользу оборотил...»

Два-три раза юноше довелось наблюдать, как дед Кондратий пользует больных. Однажды в избу вошла баба с распухшей щекой. Зажимая щеку ладонью, она жаловалась на зубную боль.

Под полой баба принесла тощего, заморенного петуха. Петух, выскочив на волю, ошалело закрутился по избе и хрипло заорал: «Ку-ка-ре-ку!..»

Дед Кондратий зажег восковую свечку и прилепил перед иконой.

– Ну, Дарьюшка, – обратился знахарь к женщине, – становись на колени, молись Богу!

Баба закрестилась, усердно отбивая земные поклоны. Глаза знахаря смотрели строго из-под седых кустистых бровей. Сгорбленная фигура его выпрямилась. Лысая голова отливала матовой желтизной. Кондратий читал внятно и торжественно:

– «На море-окияне, на острове Буяне стоит соборная апостольская церковь. В той церкви молятся матушка вечерняя заря Маремьяна и преподобный Антипий, зубной исцелитель. Они просят и молят: как у вас, святых угодников, зубы не болят, так бы не болели зубы у рабы божией Дарьи. Нет моим словам переговора и недоговора, не изменить их ни хитрецу, ни мудрецу, и будут они неизменны во веки веков. Аминь!» – Кончив, обратился к Дарье: – Ну, касатка, будь спокойна! Все как рукой снимет. Этот наговор сильный, супротив него никакая зубная боль не выстоит.

– Спасибо, родименький, уж будто и полегчало...

Баба с поклонами и благодарностями оставила избу.

– Много ли ты знаешь наговоров, дедушка? – с любопытством спросил Митя.

– Много, родной, много. Сколько болестей, столько и наговоров. А болести, милой, Господь на нас посылает за грехи, и несть им числа. Одних лихоманок семь сестер: знобья, трясея, бормотея, неядея...

– Какие диковинные имена... – удивился юноша.

– Поделом им даны, родименький. Накатится на человека знобея, в жаркой бане на полке не согреется. Ей на подмогу трясея спешит: затрясет его так, что и зубы в гнездах расшатываются. А тут еще и бормотея в уста ему беспамятные, беспонятные речи вкладывает, неядея голодом последние силушки подтачивает... Много народушку православного губят сестры проклятые...

В Питер вернулись к Успеньеву дню: Митя обязан был явиться на занятия. В город взяли Якимку: бывший подпасок стал дворовым человеком, слугой в доме Марковых. Егор Константиныч улыбнулся, узнав о том, как распорядилась жена, но прекословить не стал.

Глава пятая

Мечты и раздумья

Последний школьный год! Как сладко замирает сердце юноши, когда он думает о том, что скоро перед ним откроется дорога в жизнь...

Судьба, казалось, улыбалась Дмитрию Ракитину. Сын богатого купца, он мог перенять отцовское дело и продолжать его с большим или меньшим успехом. Но Митю не привлекала торговля. Если бы он рос в купеческой семье, где все разговоры с утра до вечера ведутся о том, как подешевле купить и подороже продать, где вся атмосфера проникнута духом наживы, Митя, быть может, и сам заразился бы страстью к торговле.

Но у Марковых обстановка была совсем другая. Егор Константиныч, возвращаясь с поездок на пороховые мельницы, рассказывал домашним о том, какие усовершенствования удалось ему внести в производство. Случалось, посылали искусного мастера в Москву, на Монетный двор, с поручением исправить разладившиеся станки, и тогда Марков долго и интересно повествовал о том, как подготавливается сплав для монет, как вытягивается металлическая лента, из которой вырубаются на особом прессе золотые и серебряные кружки. Семейные узнавали от Маркова о том, какую важность имеет для государства правильное денежное обращение.

В кабинете Маркова стоял токарный станок, на котором он работал в вечерние часы. К станку была привинчена серебряная дощечка с изящно выгравированной надписью:

Прошу к сему станку относиться с почтением,

ибо на нем работал сам государь

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Это был тот самый станок, который Егор Марков когда-то сделал собственными руками – и потом вносил в него различные улучшения – и на котором приходилось работать царю Петру.

И к этому станку и ко всему, что в доме старого токаря было связано с памятью Петра, Егор Константиныч относился с фанатической преданностью. На стене в столовой висел большой портрет Петра. Царь был изображен во весь рост около пушки на поле Полтавской битвы. Раму изумительной работы Марков сделал собственноручно.

В табакерке Егора Конетантиныча на внутренней стороне крышки была вделана миниатюра кисти самого Гроота,[9 - Гроот (1716–1749) – придворный живописец Елизаветы.] изображавшая Петра в адмиральском мундире. Каждый раз, когда старик, заложив понюшку табаку, чихал, он кланялся портрету и с глубокой серьезностью провозглашал:

– На вечную память государю Петру Алексеевичу и потомству его на доброе здравие!

Как-то Митя посмеялся над этой процедурой и получил от дяди здоровенный подзатыльник.

Марков ежедневно и ежечасно свидетельствовал свою любовь к царю Петру.

Когда к Маркову приходили старые школьные друзья, контр-адмирал Кирилл Прокопьевич Воскресенский и советник Иностранной коллегии Трифон Никитич Бахуров, то за столом разговор велся о былых делах, о тех временах, когда создавалось могущество русской земли. Кирилл рассказывал о славных морских битвах при Гангуте и Эзеле, а Бахуров вспоминал, как достойно держалась русская делегация на Аландском конгрессе, когда дипломатам требовалось закрепить успехи русского оружия в Великой Северной войне – этой суровой «трехвременной школе» нашего народа.[10 - Петр I называл Северную войну «трехвременной школой», потому что время обучения в школе обыкновенно занимало семь лет, а война со шведами, великая школа для России, продолжалась втрое дольше – двадцать один год (1700–1721).]

Митя с горящими глазами слушал речи друзей Егора Константиныча, и как он завидовал им, видевшим самого Великого Петра, работавшим под его руководством!

В седьмом классе Дмитрий увлекся естественными науками – физикой и химией. В этих науках Дмитрий, удивляя и радуя преподавателей, оказывал огромные успехи. Физические и химические законы Ракитин усваивал так легко, будто они скрывались в его памяти, и достаточно было небольшого усилия, чтобы они всплыли наверх.

О талантливом гимназисте рассказали Ломоносову, и Михайла Васильевич пожелал его видеть. Смущаясь и радуясь, Митя вошел в химическую лабораторию. Краснея, шагнул юноша к обожженному кислотами столу, у которого сидел Михайла Васильич, плечистый, с могучей грудью, с сильными рабочими руками.

– Вы желали меня видеть, – пробормотал он. – Я – Дмитрий Ракитин.

– А, ты – тот даровитый гимназист, про которого я слышан от твоих преподавателей? Рад, очень рад тебя видеть!.. Химия и физика зовут к себе свежие силы, которые продолжат наши труды.

Ломоносов стал говорить, что физике и химии суждено великое будущее, что они сыграют огромную роль в жизни людей. Ломоносов предсказывал, что физики изобретут такие машины, которые намного облегчат труд человека. Для

примера он привел паровой двигатель Дени Папена,[11 - Дени Папен (1647-1714) - французский физик, один из изобретателей парового двигателя.] о котором ему приходилось слышать в бытность за границей.

- Сей Папен даже пытался поставить свою машину на корабль, чтобы двигать его не слабой силой человеческих рук, не капризной силой ветра, а мощностью пара, которую возможно довести до любых пределов. Суеверы разрушили детище Папена и не позволили искусному изобретателю довести дело до конца. Но придет время, - вдохновенно говорил Михайла Васильич, - и могучие паровые суда станут пересекать океаны, смеясь над коварством стихий...

Сердце у Мити радостно замирало, когда он слушал такие речи из уст боготворимого учителя.

«Я обязательно пойду учиться дальше, - думал Ракитин, - поступлю в университет, в физический класс... Уж там-то я от Михайлы Васильича перейму всю физическую науку и буду стараться двигать ее дальше...»

В июне 1749 года Дмитрий Ракитин окончил курс академической гимназии и подал прошение о приеме в университет.

Терентий Гамаюнов и Василий Шумилов решили стать математиками, а Николай Сарычев поступил в сенатскую канцелярию. Его отец-дьячок умер, и на руки Николая свалилась многочисленная семья.

Глава шестая

Университет

Российская Академия наук, или де сианс академия, как ее называли в те времена на французский манер, была открыта в конце 1725 года. Осуществилась мысль Петра I, которую он вынашивал долгие годы. Но царь при жизни успел только утвердить устав академии да послать за границу библиотекаря Шумахера набрать для нее иностранных профессоров.

Академия наук состояла из трех «классов»: 1) математического, 2) физического, 3) гуманитарных наук, истории и права. При академии были учреждены университет и гимназия.

Каких только поручений не выпадало на долю профессоров и адъюнктов Российской де сианс академии. То вдруг прикажут срочно переплести во французские переплеты собрание арабских сказок под названием «Тысяча и одна ночь» То потребуют представить «Ведомость о том, коликое количество от Санкт-Питербурха до Москвы между городами и почтовыми станами верст». Или спешно составить по всем правилам астрологии гороскоп[12 - Гороскоп (греч.) – таблица расположения небесных светил в момент рождения человека. По ней будто бы можно было предсказать его судьбу.] по случаю рождения ребенка в знатной семье...

Грандиозные цели замышлял для Академии наук царь Петр, когда решил создать в России это высшее научное учреждение. Иностранные академии обычно замыкались в самих себе, в их работе занимала видное место богословская «наука». А Российской Академии наук предназначалось распространять в стране просвещение, воспитывать кадры русских ученых, чуждых церковному духу.

Огромную роль в развитии этого первого русского научного центра играл Михайла Васильевич Ломоносов.

Ломоносов стал средоточием всего русского, народного, что по крупицам собиралось в стенах Академии наук и в юном городе, раскинувшемся по берегам Невы. Все молодое, свежее, талантливое тянулось к Михайле Васильичу, как весенняя травка к солнцу, и он никому не отказывал в поддержке.

Разносторонность Ломоносова была изумительна. Его пытливый ум интересовали не только естественные науки. Он стал основателем российского стихосложения, писал звучные оды, размышлял над проблемами русской грамматики, проводил исторические изыскания, занимался металлургией... И всегда, во всем стояла у него на первом плане Россия, Родина. Единственной целью жизни гениального помора было доказать, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».[13 - Написанная Ломоносовым в 1747 году «Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны» Невтон – так в старину писалась фамилия Исаака Ньютона.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шуцман (нем.) – полицейский.

2

Пароль доннэр (фр.) – честное слово.

3

Любисток – многолетнее травянистое растение из семейства зонтичных. Его корневища употребляются в медицине.

4

В старину самоедами называли обитателей Севера ненцев.

5

Горновщик – рабочий у металлургической печи (горна).

6

Негоциант – оптовый купец, ведущий крупные торговые дела с другими странами.

7

Экзерциция (лат.) – упражнение.

8

Адъютант (лат.) – помощник.

9

Гроот (1716-1749) – придворный живописец Елизаветы.

10

Петр I называл Северную войну «трехвременной школой», потому что время обучения в школе обыкновенно занимало семь лет, а война со шведами, великая школа для России, продолжалась втрое дольше – двадцать один год (1700–1721).

11

Дени Папен (1647–1714) – французский физик, один из изобретателей парового двигателя.

12

Гороскоп (греч.) – таблица расположения небесных светил в момент рождения человека. По ней будто бы можно было предсказать его судьбу.

13

Написанная Ломоносовым в 1747 году «Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны» Невтон – так в старину писалась фамилия Исаака Ньютона.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-volkov/chudesnyy-shar>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)